

Чайковский

Завтра, 7 мая, народы страны Советов вместе со всем культурным человечеством отмечают одну из самых знаменательных дат искусства — 100-летие со дня рождения Петра Ильича Чайковского.

Чайковский! В пантеоне гениев мирового музыкального искусства, в сонме великих композиторов прошлого трудно назвать имя, окруженное более нежной и неугасимой любовью, творчество, более популярное среди самых широких масс. Чайковский не оставил произведений, аналогичного горацневскому или пушкинскому «Памятнику». Но он имел законнейшее право, подобно Пушкину, воскликнуть о своей музыке:

Слух обо мне пройдет по всей
Руси великой
И назовет меня всяк сущий
в ней язык...

Но, странное дело, в той же мировой истории музыки не легко отыскать композитора, чье творчество вызывало бы столь решительные сомнения, подвергалось бы таким несправедливым нападкам, как это имело место в отношении Чайковского. Творцу «Евгения Онегина» и «Пиковой дамы» отказывали в таланте оперного композитора; благороднейшего мелодиста попрекали банальностью; создатели могучего и глубоко своеобразного музыкального стиля «разоблачали», как эллитика; вдохновенного выразителя народного духа обвиняли в оторванности от национальных корней, в едва ли не рабочем следовании чужеземным образцам...

Было это и при жизни композитора, было и много позднее. Ведь еще на нашей совсем недавней памяти поседо-«социологические» тушцы пытались уверить всех и вся, что Чайковский-де — это лишь «продукт разложения дворянского сословия», что он, мол, всего-навсего «певец уходящего в прошлое дворянского поместья».

Всем этим, порой злобным и предвзятым, порой просто мутным наскоком противостоит, однако, один непреложный факт: поистине огромная любовь народа к творчеству Чайковского. Миллионы любителей романсов и опер Чайковского, его балетов, его симфонических и фортепианных, его камерных творений не знали критики, направлявшейся в адрес великого музыкального гения, а когда и знали, — проходили мимо нее с молчаливым пренебрежением, так далека была она от их мыслей и чувств, взволнованных и захваченных силой музыки Чайковского.

То же самое происходило и с исполнителями. Ганслик некогда гнусно обрул скрипичный концерт Чайковского, а произведение стало популярнейшим в репертуаре скрипачей всего мира. Можно ли себе представить пианиста, который не играл бы гениального первого фортепианного концерта Чайковского? Какой лирический тенор не считает мечтой своей артистической жизни добиться успеха именно в партии Ленского?

В своих «симфонических этюдах» Игорь Глебов с необычайной, истинно поэтической силой проникновения в сущность искусства охарактеризовал причину популярности «Евгения Онегина»: «Это одно из тех редких произведений искусства, которые так неотъемлемо входят в жизнь, прилепляются к ней так четко, что становятся сами жизненным неизбежным фактом, будничным, но всегда дорогим и ласково греющим душу». И далее о Татьяне: «Есть высшая человечность и высшая святость в том, чтобы создавать жизненные положения такого светлого напряжения и в таком ореоле простоты и естественности чувства, что никакая пошлость не смеет их коснуться, несмотря на соблазнительную, казалось бы, ситуацию. В этом же все дело, вся сущность этой дивной музыки, и мимо этого как-то спокойно проходили, толкая о том, какая-то Татьяна тут есть: пушкинская или не-пушкинская. Да не все ли равно? В музыке живет русская девушка в светлый радостный, ясный период детства, когда, вот-вот, ей суждено переступить за самый страшный порог в жизни. Когда ей предстоит совершить и сладостный и боязливый шаг: стать женщиной. Ей хочется знать, кто избранник? Она ждет его. Вот простой, казалось бы психологический факт. Но вдумайтесь в его простоту — откроется и глубина, и величие».

В этих замечательных строках есть все — и объяснение того, почему музыка Чайковского находит столь верную дорогу к человеческому сердцу, и раскрытие причин противоречия между критическими оценками творчества Чайковского и народной любовью к нему, и, наконец, определение Чайковского, как великого русского композитора.

Да, Чайковский по-настоящему, до конца русский композитор. Не в том дело, что он знал и любил русскую народную песню и умел, когда это ему было нужно, творчески проникнуть в ее интонационную сферу. Он знал и любил русский народ. Он глубоко чувствовал его, мучительно переживал безрадостность его существования, пламенно мечтал вместе с ним о радостном будущем, о победе света над тьмой, жизни над смертью. Раскрывая параллель Ленский — Герман, Игорь Глебов правильно указал, что для Чайковского «...не было сладких песен после срыва шестидесятилетия», что мечта и обман, грезы и «тупой натиск злой силы» — вот крайности, между которых застрял был поэт русской интеллигенции Чайковский. Вот где корни «вынужденного» страшного пессимизма Чайковского и его же действительно страстного оптимизма!

Чайковский — русский композитор прежде всего потому, что он с неистощимой силой отразил самую сущность жизни, радостей и трагедий, мечты и разочарований русского человека своего времени. Тут он был подлинным художником-новатором. И потому-то так медленно приходило понимание его творчества и так быстро — любовь к нему. В этом смысле Чайковский ничуть не меньше, нежели «кучкисты», — прямой наследник

и великий продолжатель дела основоположника русского музыкального искусства — Глинки.

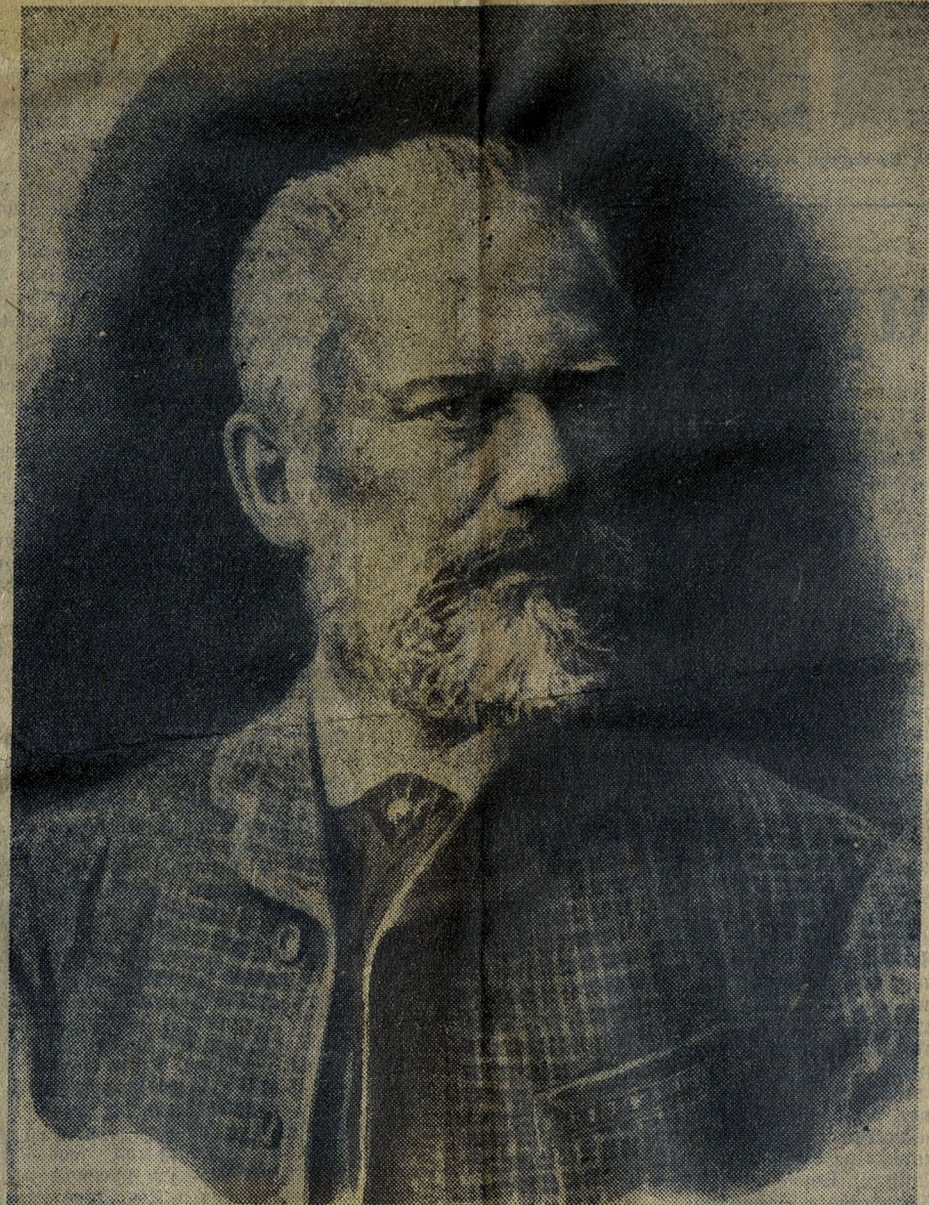
А русский ли он композитор по своему чисто музыкальному мышлению, по своему музыкальному языку? Да, тысячу раз да! Хотя бы уже по одному тому, что на определенном этапе русской музыки Чайковский явился мощным реформатором ее стиля. Так же как Пушкин и Толстой в области русской литературы, Чайковский после Глинки и рядом с Бородиным, Мусоргским и Римским-Корсаковым явился одним из создателей русской музыкальной речи. Нельзя забывать, что великие художники не только выражают, но и преобразуют художественный стиль своего народа, преобразуют его сообразно своим индивидуальным творческим особенностям. Типические личные черты пушкинского стиха надолго стали национальным стилем русской поэзии. Илюбленные пушкинские образы стали национальными образами русской литературы. Перешагнув в горниле своего творчества глинкинские традиции и принципы бетховенского симфонизма, русскую народно-песенную стихию и мелодико-гармонический строй немецких романтиков, певучесть итальянского bel canto и элегиям французской лирической оперы, Чайковский создал свой собственный музыкальный стиль, средствами которого он с громадной силой реалистического обобщения отобразил современную ему русскую действительность и придал новые черты русскому музыкальному искусству.

Творчество Чайковского имеет величайшее указующее значение для нашего времени, в частности для тех споров, которые сегодня ведутся вокруг вопроса о путях советской музыки. Дело здесь не только в совершенстве композиторского мастерства Чайковского, а в особенностях его музыкальной драматургии, в необычайном жанровом многообразии его музыки, в глубине и проникновенности, с которыми разрабатывал композитор любимые свои темы. Правдиво выразить средствами музыки подлинные чувства обыкновенных людей — вот к чему всю жизнь стремился Чайковский, вот что являлось для него высшим художественным идеалом, что роднило его и с Пушкиным, и с Толстым, и с Чеховым. И так же, как и эти великие русские гении, Чайковский умел распознавать за скромной оболочкой безмерные богатства человеческой души, умел раскрывать многогранность человеческой психики, быть может тем более сложную, чем проще и жизненнее был характер, живописуемый композитором.

Мы очень много и справедливо говорим о героических образах в советском оперном творчестве. Русская классическая музыка — Глинка, Бородин, Мусоргский — дала здесь высокие образцы, мимо которых не может пройти советская творческая мысль. Но есть еще одна первостепенной важности задача, к разрешению которой наши композиторы едва только приступают. Задача эта — раскрытие богатств внутреннего мира нового человека.

Советский народ, понявший и полюбивший Чайковского так, как это никогда и нигде раньше не было возможно, и от наших композиторов ждет, чтобы они создали образы, столь же тонкие и проникновенные, такой же жизненности, глубины и силы, как образы Чайковского. Совершить этот творческий подвиг и значит продолжить в советской музыке то, что полвека тому назад сделал для русской музыкальной культуры Чайковский.

Простота, реализм, народность, глубокое проникновение в душевный мир человека — эти художественные принципы являются тем завещанием великого композитора будущим поколениям, которое с особенной благодарностью и благоговением принимает советская музыкальная культура, создающая самую высокую и самую правдивую музыку, какую когда-либо знало человечество.

Петр Ильич Чайковский
Портрет работы художника Ю. ПОРФИРЬЕВА

Москва

от

Газета №

МОСГОРПРОПРАВКА МОССОВЕТА
Отдел газетных вырезов
ул. Маркова, 29/6.
Вырежьте из газеты
6 МАЯ 1960 г.
96-69
СОВЕТСКОЕ ИСКУССТВО

55